

— Владиміръ Антонычъ!—говорила млѣющая вдова молодому путейцу, чуть не въ сотый разъ пожимая ему руку:—привезите, пожалуйста, свою сестру,—это такое прелестное созданіе... Я видѣла ее однажды въ церкви и очень желала съ ней познакомиться. Слышите? Непремѣнно привезите...

— Съ удовольствіемъ бы, Марья Ивановна, но она такая дикарка у насъ... мнѣ за нее иногда совѣстно бываетъ. Впрочемъ, если уже вы такъ хотите...

— Хочу! неpremѣнно хочу!—впадая въ тонъ капризной дѣвочки, воскликнула Марья Ивановна.—И если вы не привезете ее, я на васъ разсержусь...

Вмѣсто отвѣта, Володя, предварительно оглянувшись по сторонамъ, порывисто прильнуть губами къ пухлой ручкѣ вдовы, которая при этомъ вся замѣла, какъ роза-дентиfolія. Но Володя ошибался, полагая, что никто не видитъ его маневровъ: съ одной стороны, темной ночью глядѣла на нихъ Агнеса, а съ другой, язвительно улыбался Щепоткинъ, посылая Володѣ въ спину полновѣсные кукиши...

Скоро батюшкина телѣжка снова ныряла среди росистыхъ полей, и синяя, многоглазая ночь ласково приняла путниковъ въ свои теплыя объятія. Но на этотъ разъ въ настроеніи ихъ произошла большая перемѣна. Володя былъ очень веселъ и безъ умолку напѣвалъ игривыя опереточныя аріи, а батюшка, напротивъ, былъ погруженъ въ задумчивость и почему-то усиленно стегалъ своего битюка, который и безъ того славно бѣжалъ по мягкой дорогѣ.

Почти въ это же самое время на томъ берегу Карамыша Демидъ провожалъ Леночку домой. У дѣвушки глаза были заплаканы, а Демидъ, отвязывая лодку отъ колышка, говорилъ:

— Вѣрно тебѣ говорю, слушайся меня, дѣвушка! Не перечь имъ, не препятствуй; что скажутъ—смолчи; обидать—стерши. Терпѣніе все превозмогаетъ! А будешь перечить—пойдутъ у васъ смуты великія, грѣхъ, злость. Терпи, дѣвушка!

— Ахъ, дѣдушка, да вѣдь не могу я!—возражала Леночка.—И зачѣмъ это терпѣть обиды надо, — не понимаю. Вѣдь я никого не обижаю и никогда обижать не буду, зачѣмъ же позволять другимъ меня обижать? Ты вотъ говоришь: „не перечь имъ!“ Какъ же не перечить, когда, можетъ, они мнѣ что худое будутъ приказывать? Они и такъ мнѣ дѣлать ничего не даютъ по моему. Вонъ намедни, какъ Ульяна Птахина захворала,—я пошла къ ней, горчишники ей понесла,—такъ вѣдь мнѣ за это какъ досталось! „Вотъ,—говорять,—еще заразу какую-нибудь въ